

Ядовитое сердце

Фёдор Островцев

18+

Фёдор Михайлович Островцев

Ядовитое сердце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70323376

SelfPub; 2024

Аннотация

Эта история о поиске истины среди догм и иллюзий, что суть одно. История о переосмыслении жизни, о знаках настоящего и непредрежённости будущего. Произошла она очень давно или недавно. Здесь, а может, в ином мире. Участники её говорили на человеческих языках с той же вероятностью, что общались на неведомых нам звуках. Быть может всё, что угодно, но это что угодно не может быть без свободной человеческой воли. На Бога надейся, в сам не плошай.

Содержание

Смерть победителю	4
Пряха	20
Тот, кем он не является	40
Победитель, как он есть	51
После	58

Фёдор Островцев

Ядовитое сердце

Можно ли судить самостоятельно о морде лица своего, наблюдая его лишь мельком, исключительно редко и в неидеальных отражениях зеркал?

«Ядовитое сердце» написал я несколько месяцев назад и благополучно оставил пылиться с ярлычком «Окончено»; не считал эту историю серьёзной и достойной уровня любимых моих писателей. Ни воздушностию или твёрдостию слога, ни великой идеей, думалось, она не обладает. Но мне помогло то, что в ней... может стать, поможет и другим. А думать противное – значит то же, что признать себя самым исключительным человеком на Земле.

Смерть победителю

Их встречали со всеми возможными почестями: ковровые дорожки, только что прибывшие из далеких земель Востока, казалось, сотканы для божественных посланников, а прибывшие со всех уголков Крестного Королевства миннезингеры, на каждой пяди внутреннего двора распеваящие оды и декламирующие поэмы, славят теперь юных воинов семьи Марацци и в особенности доблесть молодого Дуччо

по прозвищу Лев, принесшего Королю Иоанну победу над богомерзкой Мирской Империей. Фрейлины госпожи Арто не скупятся вниманием для юношей, расспрашивая их о военных подвигах и прозрачно намекая на готовность выйти замуж; повара готовят гораздо быстрее и вкуснее, чем обычно, самые изысканные блюда, какие могут быть в Крестном Королевстве и подвластных ему владениях, а на стенах замка, лениво покачиваясь, смотрят на собравшихся гербы семьи Марацци рядом с гербами хозяев – Арто. Пятеро старших сынов рода Марацци, четверо братьев и их отец, восседающие на мерно шествующих жеребцах, гордо и не без хвастовства переводят взгляд со своих отпрысков на обитателей замка и обратно, пробираясь к воротам сквозь облепившую их процессию со всех сторон ликующую толпу.

Величественное многовековое строение из светлого серого камня отбрасывает не менее величественную тень на волны Маркского моря, разбивающиеся будто в приступах ярости о каменистое подножие утеса, на коем некогда был выстроен замок семьи Арто. Благородные стены, казалось, могут укрыть жителей от гнева самого Бога, а исполинские башни семейной библиотеки, славящиеся на все окрестные королевства тайными знаниями, подобно недостроенной древними Лаидорской башне стремились пронзить облака длинными шпилями. Древние мраморные балюстрады цвета слоновой кости поражают своим изяществом даже современных мастеров-каменщиков, а хранители замка,

несколько десятков горгулий, насмешливо глядят на каждого заходящего во двор, абсолютно уверенные в своем превосходстве. Ворота во двор были не менее крепки, чем дворцовые, хотя и повидали за множество веков не одну осаду и ни разу не были реконструированы. Пожалуй, за многие века изменения претерпела лишь брусчатка красного и серого гранита, покрывающая почти все подножие строения, за исключением конюшен: по приказу главы семейства Арто, Августа, во многих стыках были сделаны янтарные вставки, что размером не больше монетки. Янтарь в ясные дни играл солнечными лучами, становясь похожим на золотые монеты, разбросанные по всему двору, которые всегда будут у семьи Арто, но ни один бендняк не сможет их поднять. Поговаривают также, что много раньше замок окружал природный ров, достигавший в нижней своей точке самого моря, но во время Первого Всемирного землетрясения клочок земли, на котором возвышался замок, примкнул к материку, уничтожив ров. Лучшие умы Королевства и мистики Востока не могут объяснить, как столь жестокая стихия не затронула замок Арто.

Достигнув, наконец, дворцовых ворот, трое младших Марацци, наследники и надежда славного рода, спешили, стараясь не терять достоинства от охватившей их души и сердца бури эмоций. Дуччо Лев Марацци, средний из братьев, принесший победу королю Иоанну, высок, несколько тучен, черты лица имеет плавные, из-за чего возраст двадцатилет-

него воина не всегда можно определить на глаз. Изрядно выросшие за время похода темные волосы слипшимися от пота и грязи локонами стекали по шее и практически касались лопаток, карие глаза, смотревшие из-под всегда приподнятых кверху бровей, могли прожигать людей насквозь или успокаивать. Морщинки, появившиеся в уголках рта за время битв, придали улыбке Дуччо доброй мудрости, лишив ее всякой ядовитой сути, какую обыкновенно можно заподозрить в улыбке. Невысокие скулы, расставленные достаточно близко друг к другу, в дуэте с аккуратным волевым подбородком, напоминавшим о древних Эдлингах, создавали неповторимый для Крестного Королевства типаж лица мудреца и воина. Одет Дуччо был как и полагается рыцарю дворянских кровей, идущему с войны: заляпанные латы, рваная кольчуга, обязательная накидка с синим крестом, который Анзерат некогда переломил, будучи к нему прикован, усилием воли, дабы ему, как сыну Божьему, спастись и воссоединиться с Отцом; меч как символ благородства, алебарда как дешевое, но действенное оружие, щит с гербами семьи, к которой принадлежит рыцарь, и семьи властвующего короля.

Шествующие по обеим сторонам от Дуччо братья, двадцатипятилетний Алезандер и шестнадцатилетний Вьери, также, как сам Дуччо, слыли умелыми воинами и всегда были готовы сложить головы за род Марацци, в особенности за своего среднего брата.

Толпа, в которой перемешались простые крестьяне, ме-

щане, купцы и благородные, впервые не пытающиеся прибить друг друга, прорвалась во двор несмотря на усилия гарнизона, заполонив собой приличное пространство; пришлось опустить внешние ворота, дабы предотвратить возможную давку. Никколо, глава семейства Марацци, видя, что празднество перестаёт быть безобидным, вместе со своей свитой быстро обменялся любезностями с господами Арто: старым Августом, Миреллой, женой старшего сына Августа – Лорре, с самим Лорре, его сестрой Кринетт, а также с отпрысками Лорре, двумя юношами и двумя девушками нежного возраста. Покончив с формальными расшаркиваниями, Марацци и Арто поспешили укрыться во тьме сводов старинного замка и не раззадоривать без того уже бесноватую толпу.

Так встречали укротителей язычества, победителей императора Галлия, завоевателей земель Мирской Империи, так встретили Дуччо Льва Марацци!

Внутри замок не выделялся ни высокой мыслью архитекторов, ни гениальностью инженеров: своды украшали простенькие фрески, над которыми нещадно работало время, лепнина на стенах местами давно отпала, в некоторых частях сквозь каменную кладку проникал пронизывающий до костей мокрый морской воздух. Некогда прекрасные разноцветные витражи почти все были выбиты порывистым морским ветром, и теперь на их месте красуются обыкновенные

высокие окна, вид которых далек от понятий изысканности и банальной красоты.

Расположение вблизи моря предполагает постоянную сырость и характерный для нее специфический запах, однако здесь он был слишком-уж характерный и слишком специфический. Порой, поднимаясь по винтовым лестницам, расположенным в нескольких башнях и соединяющим все этажи строения, можно было скорчиться от совершенно неожиданного холодного касания в области шеи: скапливающаяся влага из-за шагов срывалась с каменных плит ступеней, расположенных над головой, всегда как назло попадая за шиворот.

Дорогие ковры и работы известных художников, неизменно сопровождающие каждого, кто зашел в замок, куда бы тот ни направился, кажутся до смешного бедными и издевательски скудными на краски; в любом другом месте пейзажи и портреты, представленные в коридорах замка Арто, могли казаться даже вычурными, но только не здесь: сами стены, вековые их камни неизвестной силой подавляли волю к жизни не только людей, находящихся внутри, но и любого предмета, от исключительных позолоченных люстр до посредственных предметов гигиены.

Август Арто был известен своей приверженностью к архаизмам, что отчасти объясняет его решение не менять веками проверенные факелы и свечи на только что вошедшие в моду масляные лампы; копоть ушедших в вечность средств овещания была не смываема и не оттираема, она пропита-

ла собой камни стен и потолков, свечной воск в замке стал неизменным спутником каждого идущего по его коридорам, а обитатели настолько привыкли к запаху гари, что вполне могли бы не заметить пожара.

Меблировка отражает вкусы каждого поколения Арто, каждая комната обставлена по-своему. Конечно, будь у Августа больше денег, он давно бы скинул всю эту вычурную недостойную мебель, как он сам говорил, с балкона прямым в пучину морскую, и обставил бы семейное гнездо в своем излюбленном стиле, грубой мебелью из древесины среднего качества с вырезанными на ней сюжетами любимых сказаний Арто. А пока этого не произошло, гости Августа могут вполне комфортно существовать в стенах замка, хотя жизнью или просто счастливыми днями это назвать трудно.

Единственное новшество, признаваемое старым Августом, – восточные бани. После завоевания королем Иоанном земель Востока, в обитель Арто стали прибывать восточные купцы, рассказывающие о чудесах их науки и даже магии. Во второе Август особенно не верил, но вот идея о банях, расположенных прямо во дворце, ему понравилась. За несколько сотен лет к замку было пристроено единственное помещение, отведенное полностью для водных процедур.

Южное крыло замка, расположенное слева от входа, вмещало в себя множество спален, кухню, две столовых, те самые восточные бани, огромную, но такую же скучную, как и прочие помещения, на краски гостиную, главным украше-

нием которой служил древний орган без нескольких труб и, судя по всему, соответствующих им клавиш. Камин, сложенный из того же, что и сам замок, камня, никогда не чистился, отчего цвет его стал черным. Дровница, к слову, была расположена тут же, справа от камина, но наполнялась обыкновенно лишь к зиме или в очень холодную осень, дабы дрова не разбазаривались попусту. Слева и справа от каминной трубы симметрично расположились несколько высоких витражей с замысловатыми сюжетами, давно, однако, потерявшими свой изначальный цвет и скорее нагонявшими тоску мыслями о прежних временах.

Еще в гостиной стройным рядом расположились книжные шкафы, появившиеся, очевидно, потому, что в библиотеке кончилось место. Несколько низеньких столиков, кресла всех возможных времен и стилей, картины, ковры, четыре позолоченные люстры, обмазанные воском, несколько высоких деревянных кресел, расположенных в большинстве своем рядом с камином, – вот и все, чем могла похвастать гостиная семьи Арто.

Северное крыло, увенчанное двумя башнями, полностью отведено под библиотеку, в которой можно найти любое знание, ответ на любой вопрос, кроме “Как найти Бога?” Если взглянуть на всю историю Арто, можно сказать, что по-настоящему Бога в этой семье никто не искал; если и были благодетельные люди среди прочих, они знали ответ заранее и не тратили времени на поиски книг. Зато “История ядов”,

“Секира ворожей”, “Черное таинство” и подобные им книги стояли поближе ко входу в библиотеку, а если выходило новое издание, оно обязательно пополняло коллекцию убийственных знаний.

В отличие от остального замка, библиотека словно живет, наполняется красками и светом: даже привычной сажи и копоти в ней нет; если же нерадивый читатель случайно капают воском и не успевает убрать, то получает нагоняй от старого Августа.

Поначалу это крыло насчитывало четыре этажа, но один из предков Августа, видя, что места не хватает, возвел две башни с винтовыми лестницами. Вместо книжных шкафов в них используются сами стены, в которых при постройке были сделаны углубления; те немногие, кто видел коллекцию знаний Арто и бывал в башнях, говорят, что падали в обморок при виде стен, возведенных из книг.

Несмотря на столь неоднозначный интерьер, неопрятность и даже запущенность, уважение замок все же внушал: чувствовалось нечто героически мученическое в его стенах, в том, как он до сих пор стоит, несмотря ни что.

Дуччо, посетив с братьями и старшими расхваливаемые господином Арто бани, не увидев, впрочем, чего-то нового после походов на Восток, устроился на изысканного вида тахте мореного дерева, оказавшейся в выделенных ему покоех. Можно сказать, среднему брату повезло, ведь далеко

не вся утварь, оставленная предками Арто, была пригодна для использования.

Небольшую комнату с переделанной под окно бойницей наполняли предметы, пропитанные вкусом старых дворянских родов: деревянная скамья с бархатными подушками и резными ножками, украшенными позолоченными орнаментами, большая кровать с балдахинном, в которой, как казалось после тесных военных лежанок, могли бы с комфортом разместиться пятеро человек, обтянутый кожей большой деревянный сундук (пожалуй, единственный предмет в комнате, отвечающий современным понятиям о стиле), светлый, как и все прочее, старинный секретер, по сторонам от которого находятся небольшой книжный шкаф и внушительный гардероб, не вмещающий в себя, однако, алебарды Дуччо.

Закинув руки за голову и скрестив ноги, он рассматривал бегущие в окне облака, поначалу вспоминая детство, а затем мечтая о будущем. Дуччо, как и все Марацци, не был доволен положением простолюдинов и мещан: король Иоанн будто не понимает, что на его походы нужны деньги сверх казны, которые по сути отбираются у крестьян и прочих работяг. Двадцатилетний ослепленный воинской славой дворянин, разумеется, не радел простому сословию по доброте сердечной, но понимал, что бедственное положение внизу всегда навлекает неприятные перемены вверху, затрагивающие даже и не принимавших участия в преступлениях против низа. Несмотря на поддержку Никколо, крестьяне со-

мнут и Марацци вместе с прочими семьями, если начнется бунт. Дабы не допустить падения семьи, Дуччо каждую свободную минуту размышлял над реформами, дающими простолюдинам больше свобод; осуществить эти реформы он собирался через отца в пределах владений Марацци, дабы король увидел возможность иного порядка и сам стал реформатором, всегда, естественно, прислушивающимся к роду Марацци.

Тем больше Дуччо ставил на свои реформы, что владения Арто, где консервативный грабеж подданных продолжается не одно столетие, напрямую граничат с владениями его семьи: такой контраст придаст вес аргументам Марацци в пользу необходимости снижения налогов и объявления больших свобод простому сословию. Конечно, Иоанн может возразить, ведь род Арто много лет живет по старому закону, а бунта среди их людей не зреет, но, ответит Дуччо, род Арто славится своей жестокостью по отношению к подданным и тайными знаниями, отчего главенствующего ныне Августа считают колдуном, как его отца и деда, и попросту боятся перечить ему.

Облака, ленно текущие по небу, то заслоняли собой яркое летнее солнце, особо не согревающее, впрочем, то неожиданно сползали с него, каждый раз ослепляя Дуччо. От практических мыслей он перешел к простым мальчишеским мечтаниям, размышляя, наконец, не о будущем и чести семьи, но о своем личном. Прилично навоевав в свои двадцать лет,

став сокрушителем легионов Галлия, Львом, можно подумывать о невесте и свадьбе.

– Стоп, – выкрикнул Дуччо, спугнув не ожидавшую подвоха от неопдвижного предмета птицу, усевшуюся на окно, – каждый Марацци женится не ранее тридцати, а до того отстаивает честь семьи доблестью и отвагой на поле боя. Прочь, низкие мысли! Прочь! – Слишком часто Дуччо стал в мечтах своих сворачивать с уготованного ему пути. – Слово идет сразу после мысли, а действие – после слова! Лишь подумав не так, уже можно почти предать семью! Как же мне после называться главой славного рода, коли сам себя смущаю я порой? Это недостойно Марацци! Недостойно сына марацци! Где перстень, где мой перстень?

Он спешно пошарился в мошне и извлек золотой перстень с небольшим рубином, какие глава семейства вручает каждому Марацци, прошедшему первый серьезный бой. На части перстня, опоясывающей палец снизу, находится тонкой работы гравировка, повторяющая слова девиза семьи:

– “Честь и благородство превыше всего”, “Честь и благородство превыше всего”, – стал повторять Дуччо, словно молитву, семейный девиз, сжимая в руках перстень, надеясь прогнать мысли о женитьбе.

Молитвы прервал резкий стук в дверь, от которого Дуччо вздрернул и чуть не выпустил заветную реликвию из рук.

– Господин Дуччо! – раздался крик из-за двери. – Вас зовут ко столу, прочие уже собираются! – поспешила объяс-

нится владелица тонкого, но мягкого и очень громкого голоса.

– Скоро спущусь, передайте господину Арто.

Удаляющиеся вглубь коридора шаги подсказывали, что служка услышала Дуччо и пошла докладываться хозяину. Каждый раз, когда речь заходит об Августе, средний сын Мараци забывает о глухоте и слепоте оного. Вот и в этот раз Дуччо вздрогнул от сильного стука и крика, характерного для всех слуг старшего из Арто.

Этикет обязывал дворян выглядеть соответственно их положению в обществе, однако где бы взять Дуччо парадный дублет, направляясь с полей сражения напрямик домой? И оружие полагалось иметь при себе на приемах и празднествах, но не пропитанный кровью меч, а шпагу или рапиру, более приспособленную производить впечатление, нежели разить врагов. Начистив до плеска наколенники и саботоны, отвлекающие глаз от бедных кожаных шосссов, и прикрыв крестовой накидкой, как мог, ободранный в боях гамбезон, Дуччо попробовал сделать невозможное и полностью счистить с меча впитавшуюся кров, но старания его были тщетны. К счастью модный в те времена плащ, полностью покрывавший лишь одну сторону тела, мог носиться и справа, и слева и как раз доставал до гарды висящего на поясе меча. Учитывая скудное освещение в замке и позднее время, тень от плаща скроет кровавые пятна на лезвии, а вышитый на

плаще золотыми и серебряными нитями герб Марацци полностью перетянет на себя внимание собеседников.

Продев средний палец на правой руке в фамильный перстень, Дуччо поцеловал его и направился к выходу из покоев. По правую руку простирался длинный и широкий, как все прочие в замке, коридор, стены которого изредка разнообразивались дверями в другие спальни. В конце его – открытый балкон, нависающий над морской пучиной и острыми скалам. По левую руку, практически сразу, выход на лестницу, расположившуюся в башне. Одно заботило Дуччо: как бы снова не капнуло за шиворот.

Сбежав несколько пролетов вниз, молодой Марацци оказался рядом с воротам замка, напротив которых манила к себе на удивление пустая гостиная. Несколько минут Дуччо бродил по огромному помещению, рассматривая орган и читая названия на корешках книг, пока его наконец не окликнул Алезандер. Братья вышли обратно в коридор и свернули на кухню, пройдя в дальний угол которой Дуччо разглядел неприметную дверь.

– Нам сюда, – сам до конца не понимая, что происходит, утвердил Алезандер.

В небольшом помещении с несколькими сохранившимися с давних лет бойницами, больше походившим на подсобку, оказался накрытый на двенадцать человек длинный стол и старшие из Арто, а также старшие Марацци. Алезандер, Вьери и Дуччо обменялись подозрительными взгляда-

ми, но виду не подали, продолжая улыбаться Августу, Лорре, его жене Мирелле и сестре Кринетт. И мужская, и женская часть Арто была одета весьма строго, минималистично, однако полностью соответствуя дворянским правилам, чего не скажешь о чете Марацци, среди которых Дуччо, пожалуй, менее всего походил на оборванца. Вновь обменявшись любезностями, Никколо и Август заняли свои места на краях стола, ознаменовав начало праздника.

Вино полилось рекой, выступления восточных танцовщиц сменялись поэмами миннезингеров и глотателями шпаг. Блюдо не успевало опустеть, как служки несли новое, все готовилось из-под ножа, Мирелла декламировала свои собственные стихи, мужчины обсуждали военные успехи и тактики легионеров, которые, впрочем, уже никогда не понадобятся, Алезандер рассказывал Кринетт о чудесах Востока и коварстве Мирского императора, о местах, где он сумел побывать. Один только Дуччо был не в своей тарелке.

От скудного света глаза напрягались и уставали, несколько бойниц явно не справлялись с жаром печей на кухне, а вино все не кончалось. Сам не понимая, почему, Дуччо стало подташнивать, он сделался очень серьезным и удивился, что даже обыкновенно хмурый Август сегодня улыбается во весь беззубый рот, шутит и поднимает тосты за Дуччо Льва Марацци. Дуччо искал поддержки или понимания в глазах родных, но не мог его найти, хотя Марк, дедушка Дуччо, тоже вдруг сделался серьезным и сидел, скрестив руки перед

лицом и сверля полный вина кубок взглядом уже несколько минут.

Дуччо знал, что лишь открыв рот он не сможет удержать желудок внутри, но и уйти, не объяснившись, означало бы выразить неуважение к Арто. Оставалось сидеть и подавлять тошноту, изредка улыбаясь для отвода глаз. Разглядывая то ночное небо, иногда появлявшееся из-за туч, в бойнице, то тусклый огонь факела, то считая камни в кладке для успокоения, все меньше и меньше он мог сдерживать то, что рвалось наружу. Он бросил взгляд на отца, измученный взгляд полный стыда за то, что он собирается сделать, и полный надежды на отцовское прощение.

– Прости, отец.

Лишь произнеся это, Дуччо выплеснул содержимое нутра на стол, не понимая, вино течет из его носа или же кровь. Его живот будто резали раскаленным мечом изнутри, кожа будто заживо сходила с мяса, а перед глазами плыли образы, объединяясь с реальностью и становясь ее частью. Дуччо попытался привстать и тут же рухнул грудью на стол, не в силах держаться на одновременно ватных и окаменевших ногах. Даже руки не могли приподнять его, лишь рывком и с большой волею выпрямился, но сил хватило всего на несколько секунд: холодный влажный пол ушел из-под ног, затылок почувствовал ветер и резкий удар. Яркий свет...

Пряха

Яркий свет ударил в глаза, сообщая Дуччо о новом дне. Нос сразу почувствовал характерный для длительных военных стоянок запах гари и нечистот, разносящийся ветром на много верст вокруг, а спина предательски чесалась из-за соломенной лежанки именно там, до куда человек дотянуться не может. Уже несколько дней полусонному взору открывается свод изрядно потрепанной палатки, соседские лежанки, сброшенные в кучу латы, вытопанная трава и тазик с водой.

Потянувшись, впрочем, без особого удовольствия, Дуччо сел и принялся прохрустывать каждую косточку в теле, нечеловечески изгибаясь и выворачиваясь: тяжелый доспех спасает жизнь от удара мечом или другим оружием, однако нещадно прессует каждый позвонок и сустав, взимая свою плату за хорошую службу хозяину. После недавнего перехода и позорного поражения короля Иоанна во время, как тот уверял, решающей осады, правая нога Дуччо ныла не переставая, словно издеваясь над ним, а вместе с ней издевалась и дождливая погода, не способствующая заживлению. Еще раз потеряв глаза, юный Марацци все же пересилил свою немощь и настроение и восстал из мертвых, прихрамывая потащившись к импровизированному умывальнику.

Кроме гари и запаха нечистот, ветер разносил и множество характерных для лагеря звуков: крики командующих,

звон точильных камней, ругань в очереди за провизией, громкие шутки и не менее громкий смех, стук топоров и грохот от поваленных деревьев в близлежащих лесах, одногласные песни, непременно перерастающие в хоровое пение. Еще два года назад, будучи в первом своем походе на Восток, Дуччо видел и слышал во всем этом романтику. Возможно, восточный колорит этому способствовал, а теперь, чем ближе Иоанн и его войско подбираются к сердцу Мирской Империи, тем меньше воодушевления в сердце Дуччо остается. Откровенно говоря, ему плевать на амбиции короля и его Священные войны, лишь семья и ее честь держит среднего брата Марацци на передовой бессмысленной войны против Галлия.

Алезандер и Вьери, судя по всему, отправились за провизией: кажется, Дуччо слышал, как Вьери нелестно и очень громко отозвался об одном тучном господине, влезшим, как понятно из гневной тирады младшего брата, в очередь перед ним и Алезандером.

Распоряжений сверху не поступает, каждое кольцо на кольчуге справно и отполировано, накидка с синим крестом выстирана, так что Дуччо погрузился в свои мысли, многозначительно разглядывая дыры и заплатки на палатке, где ютится он, его братья и еще несколько человек. Будь ты простолюдин с копьём или же благородный рыцарь с мечом и гербом, роскошные шатры на войне полагаются лишь королям. Иоанн, к слову, расположился в самом центре лаге-

ря на пригорке, дабы быть защищенным и контролировать ситуацию. Заметив, как Дуччо разглядывает палатку, один из командующих прервал его размышления и очень громко подробно объяснил, что все снаряжение, включая палатки, должно быть в полностью рабочем состоянии.

Дуччо не в первый раз получает от старших по званию за дырявую палатку, однако штопать ее нет смысла: она настолько прохудилась, что любая иголка может уничтожить ее окончательно. Но, дослушав командующего, юный Марацци послушно согласился и обещал все исправить.

Только Дуччо вновь погрузился в мысли, как его опять прервали:

– Благородный господин! Благородный господин! Вижу, с Богом вы и идете и за Бога! Здоровья вам! Я лично всегда был на стороне короля и Крестного Королевства! Наш бывший владыка, император Галлий, не ведает, куда ведет свой народ!

– Полно тебе расшаркиваться и унижаться, – пронизательным голосом проговорил Дуччо, не менее пронизательным взглядом осматривая посетителя. – Что тебе нужно?

– Так ведь... – опешил тот, явно не ожидая такого ответа на свою лесть. – Так ведь... Дероном меня зовут, господин, из соседней деревушки пришел. Я рад, очень рад, что леса здешние королю пригодились и на славное дело идут! Да только дичь разбежалась вся от вырубки да шума, а я охотник, охотой и живу, и семью свою содержу. Так негде стало

охотиться-то, благородный господин. Может, у вашей светлости найдется кусочек хлеба черствого али еще чего съестного?

Дуччо знал, что не откажет несчастному, лишившемуся пропитания из-за Иоанна и его армии, частью которой является сам, однако дворянская честь обязывала быть сдержанным и всегда обдумывать любое действие. Юный Марацци вновь смерил охотника взглядом, а тот, решив, что ничего ему не светит, стал тараторить:

– Благородный господин! Не скупись, господин! Вижу, палатка ваша худая совсем, ваша же палатка? Ваша? Так я справить могу! То есть не я, но бабка одна, пряха, так ее все и кличут, Пряха то есть, господин! Моя деревня к югу отсюда будет, если пойдете ровно на юг, так халупу Пряхину то есть и увидите на подходах! Вы ей шепните, что от Дерона будете, она вам и вашу заштопает палатку-то и новую соорудит! Смилуйтесь, господин! Все под одним Богом ходим же!

“Странно слышать про одного Бога от человека, еще две недели назад поклонявшегося идолам Мирской Империи”, подумал Дуччо, но все же не смог отказать и приказал дожидаться его. По пути к пункту выдачи провизии, средний брат встретил двух других и вкратце обрисовал ситуацию.

– А ну как обманул? – предположил Вьери.

– Зачем бы ему врать дворянину? Безопаснее было бы получить отказ от Дуччо... – начал было Алезандер, но поперхнулся смехом, а вслед за ним рассмеялся и Вьери; лишь Дуччо

что стоял с каменным лицом, перебарывая смущение.

Чтобы Дуччо отказал кому-нибудь в помощи? Нет, это нонсенс. То знали все в семье Марацци, и именно эта наивная невозможность отказать всякий раз по-доброму смешила семью.

– Извини, брат! – все еще не до конца успокоившись и улыбаясь протянул Алезандер. – Зачем бы этому Дерону лгать дворянину и подставлять голову под топор палача, если можно получить отказ от Дуччо и пойти просить к кому-нибудь другому?

– Так ведь он местный, – возразил Вьери, – совсем недавно Галлию небось дифирамбы пел и статуям поклонялся. Не привык еще или не знает попросту, что в королевстве за обман дворянина бывает.

– Прекрасно он знает о наших законах, – вмешался Дуччо, – он же мне про Бога стал говорить, знал, как надавить. Раз про Бога знает, то и с законами знаком хотя бы из уст имперских жрецов, поливающих грязью наш уклад жизни.

– Дуччо, ты ведь знаешь, мы твоим решениям, даже не самым понятным, доверяем всегда, – заговорил Алезандер после минутного молчания, – но эта еда, – он помахал малюсеньким свертком перед носом Дуччо, – это все, что нам отпустили на троих. Если мы поделимся, у нас не останется ничего.

– Вьери, ты еще стрелять не разучился?.

– Не должен был. Самый меткий в трех владениях! – гордо

запрокинув голову и выставив ногу вперед заявил Вьери.

– Дерон сказал, что дичи здесь было много. Не могла же она за несколько недель исчезнуть совсем, верно, брат? Пока я у Пряхи буду, сходите поохотьтесь, вспомните, как Алезандер тебя учил на слух стрелять! Вот потеха была!

В этот раз Дуччо и Вьери засмеялись в голос, а Алезандер с нервной улыбкой незаметно потер правую ягодицу, украшенную шрамом от стрелы младшего брата.

– Ну вот! И развеетесь, и отужинаем, как короли! И палатка у нас будет всем на зависть!

Нерешительность на лицах братьев наконец полностью улетучилась, план был предельно прост и результативен. Дойдя до палатки, троица гордо вручила Дерону сверток с едой. Тот поначалу хотел спросить, почему так мало, но решил не испытывать судьбу и пошел вперед задом, кланяясь добрым и милосердным господам в пол.

Проводив братьев на охоту и свернув палатку в небольшой кулек, Дуччо направился прочь от лагеря прямо на юг. Никогда он раньше не замечал последствий прохода королевской армии: вытоптанная земля, вместо леса сплошные пни, кострищи каждые несколько десятков метров и воронье, кружащее над павшими, которых не нашли и не отвезли на телеге в братскую могилу. Слишком яркая картина, чтобы не запомнить ее. Неужели Дуччо и правда никогда не смотрел назад? На земли Востока он пришел через западную

границу, продолжал двигаться по прямой и вышел через восточную, после чего армия сделала небольшой крюк и двинулась параллельной пути наступления дорогой, что севернее на добрую сотню верст. Похоже, Дуччо действительно никогда не оглядывался и не видел цены благородства, семейной чести и Священной войны.

От этих мыслей ужасающий воображение пейзаж казался более мрачным, чем есть, и более драматичным. Самооправдание, основанное на отсутствии здесь поселения, с треском рушилось от воспоминаний о Востоке, где любая дорога проходила через множество городов и деревушек, где вместо пней из земли могли торчать остовы крестьянских домов, а вороны могли кружить над останками детей или крестьян, не воинов. И почему эти походы названы Священными? Жрецы Крестного Королевства с детства твердили ему среди прочих истину о возможности самого Бога объявить войну на земле, и тогда она назовется Священной, но те же жрецы говорили о недопустимости насильственного обращения людей в веру Анзерата. Король Иоанн всегда объявляет о Священных войнах против язычников, но не нарушает ли он тем самым волю Бога и не прикрывает ли свою жажду власти?

Дуччо всегда почтительно относился к Богу и писанию об Анзерате, в мирное время проводя ровно семнадцать часов в неделю в молитвах. В моменты худобы или счастья просил он у небес совета и благословения, благодарил Бога, болтал с ним от радости и жаловался от несчастья. Словом, прекрас-

но знал, что такое говорить с Богом; но что такое, когда Бог говорит с ним? Он никогда не думал об этом, довольствуясь своими монологами и не настаивая на диалоге. А есть ли вообще Бог? Почему допускает он кровопролитие? Почему голодают хорошие люди, а отпетые мерзавцы наживают все больше добра? Совершенно новые, дикие для сердца Марацци вопросы заполонили разум.

Выйдя на пригорок, Дуччо заметил низенькую землянку, вокруг которой совершенно без присмотра паслись козы, не трогающие, впрочем, огород и будто привязанные к жилищу невидимыми нитями. До скромной обители Пряхи прямо с пригорка ведет узкая неприметная тропа, поросшая самыми разными травами, многие из которых Дуччо видел впервые. Ступив на тропку, юный Марацци остановился на мгновение и встряхнулся: отчего-то его передернуло, а на сердце стало легче, мысли о правильности совершенного стали пропадать. С каждым новым шагом он будто становился легче, но потому идти хотелось медленнее, наслаждаться чувством легкости и наступающего умиротворения. Проходя небольшую поеденную козами полянку Дуччо, не зная сам, почему, подмигнул животным и добродушно улыбнулся.

От землянки шел белый дым, никаких загонов поблизости не оказалось. Скуден огород или нет, Дуччо понять не сумел, слишком уж странные или редкие культуры на нем росли: листья, переливающиеся на солнечном свете цветами ра-

дуги, нечто похожее на петрушку и укроп, но твердое, словно дерево, лежащие в стороне от грядок выкопанные клубни самых разных форм, размеров и цветов, от оранжевого до лазурного. Уже десять минут рассматривал он причудливые растения и не мог остановиться, пока не раздался голос из землянки. Очевидно, хозяйка услышала гостя и не совсем была довольна его любопытством. Но зайти в землянку оказалось не просто, лишь на второй и третий раз, как Дуччо обошел жилище Пряхи, наконец-то появились окна и заветная дверь. Да, именно появились, чему удивился и Дуччо. Он попытался было обойти дом в обратную сторону и удостовериться в том, что увидел, только окна и дверь никуда не исчезали. Почесав затылок и мысленно пожурился за глупость, Дуччо наконец толкнул дверь.

Петли оказались веревочными, задубевшими, от земляного пола поднялось в воздух облако пыли. Юный Марацци предусмотрительно просунул голову в появившийся проем, дабы оценить обстановку: по центру единственной комнаты находится глиняная печь замысловатой формы, слева от входа расположена пара простых деревянных скамей, наполовину сгнивших, и таких же качеств столик. Прямо под потолком, который оказался слишком низок для роста Дуччо, рядом с печью висит кухонная утварь. Справа от двери налажена лежанка, к слову, гораздо удобнее на вид, чем та, на которой ночует теперь юный воин, с большим сундуком у подножия. Внимание Марацци привлекли пять небольших ларчи-

ков, находящихся в углублении в стене у изголовья лежанки: каждый ларец перемотан цепью и закрыт на свой огромный навесной замок. Как ни странно, расположение окон изнутри кажется совершенно отличным от расположения окон снаружи, да и дверь будто должна быть в другом месте.

– Заходи, Дуччо Лев Марацци, наследный дворянин, рыцарь короля Иоанна, – проскрипела сухим голосом старуха, восседающая на голой земле прямо напротив печки и собирающая пух с послушно лежащей у ее ног козы. – Дерон заходил, предупредил, что господин нагрянет. Палатка твоя уже готова, старую можешь выбросить.

– Почему Лев? – спросил Дуччо, зайдя все же внутрь и игнорируя остальную часть фразы. Потолок оказался так низок, что юный Марацци не просто сгорбился, но будто поклонился всему, что было в землянке, и в таком положении застыл над старухой.

– Это ты сам скоро узнаешь, господин. Это то, что ты уже не сможешь изменить, разве что добьешься по-другому. Давай лучше палатку посмотри.

Пряха на удивление легко поднялась с пола, почти что подпрыгнула. На ее груди зазвенела связка из пяти ключей, с которыми она, отыскивая нужный, направилась к стене с ларчиками, что-то нашептывая себе под нос. Дуччо оцепенел от непонимания происходящего и мог лишь наблюдать за действиями загадочной старушки, которая чуть ли ни пританцовывала в такт потрескиванию углей в печи.

Скрип замка, звон цепи, удар металла об землю. Последний звук слишком хорошо знаком Дуччо: с ним обычно падает наземь тяжелая кавалерия или закованные в железо снаряды катапульт, но чтобы упавший замок заставил содрогнуться землю, такого Дуччо никогда не видел.

– Открывай ларец, смотри, нравится али нет, – тем же сухим голосом но с задорным блеском в глазах проскрежетала Пряха, протягивая отпертый сундучок Дуччо.

Что же это за палатка такая, которую под замком хранят? Не сразу, но разобравшись с механизмом, открывающим ларец, Дуччо, почему-то, не спешил проверять работу старухи. Взяв крышку одной рукой, он медленно открывал ее, по мере чего чувствовал ту же самую легкость, что была с ним на тропинке. Он бы отдал десять лучших палаток, даже десять королевских шатров, чтобы это чувство никогда не покидало его.

Наконец раздался щелчок, крышка зафиксировалась, а Дуччо ослепила вспышка, похожая на сотню молний сразу. Лишь теперь, лишь на один миг вспомнил он сегодняшней сон и его конец. Земля вновь ушла из-под ног.

Проморгавшись, Дуччо обнаружил себя в наполненном ничем пространстве, по которому и скользил, словно птица или ангел. Пространство это еще более, чем тропка или ларец, наполняли суть война умиротворением и спокойствием, заставляли забыть о треволениях за семью, окутывая каж-

дый дюйм тела. Что-то невидимое обвивает его руки и тащит за собой во все стороны сразу, пока наконец не отлипает от Дуччо рядом с Пряхой, держащей в одной руке ключи, а в другой – веретено.

Старуха выпрямила спину, запрокинула голову назад, простирая руки то ли вверх, то ли вниз или право и лево – понять было невозможно, да и не хотелось этого Дуччо: он просто наслаждался спокойствием. Молочное белое ничто и все простирается на бесконечность в даль, мерцая ярким светом; оно наполнено мелкой будто мошкаркой, светящейся, слово искры костра. Воздух здесь ни свежий, ни затхлый, – его просто нет.

Старуха, застыв в странной позе, от центра живота и во все стороны стала обрастать той же белой материей, но мерцающей быстрее и ярче, а мошкара в необыкновенном танце кружилась над нею. Все превращение заняло несколько часов, а может, и несколько секунд, когда наконец пред Дуччо предстал сияющий столп высотой в несколько ростов взрослых мужчин, что довольно скоро, однако, уменьшился до размеров и вида яблока и завис в пространстве перед Дуччо.

– Здравствуй, Дуччо из рода Марацци, наследный дворянин, рыцарь чести короля Иоанна, – громогласно объявило сияющее теперь белоснежно белым и золотым оттенками фруктообразное нечто.

Дуччо хочет потребовать ответов, попросить отпустить, спросить, кто или что перед ним, но все вопросы, в мгно-

вление ока возникающие в мыслях молодого Марацци, еще быстрее, чем появились, улетучиваются от чувства безопасности и какого-то родного тепла, исходящего от яблока.

– Обыкни пока, – предложило нечто, – а Я начну. Ты оказался здесь, ибо просил Моей помощи и совета. Ты оказался здесь, ибо Моя помощь и Мой совет были даны тебе в грезах. Ты оказался здесь, ибо проигнорировал свои грезы, в коих и есть тебе помощь и поддержка Мои. Но ты всегда благодаришь, не замечая Моих ответов, всегда усердно молишься по канонам Крестного Королевства, хоть для меня не важна форма молитвы, и сегодня ты наконец увидел, чего стоят Священные войны, якобы объявленные Мною.

Судя по словам яблока, выходило, что оно есть Бог. Кому расскажешь, так не поверят: божественное яблочко, ага, как же. И все же логика, как и известные Дуччо законы физики, не работали здесь. Как мог, он сопротивлялся своим ощущениям, но в конце концов последняя линия обороны, построенная на фактах из писания Анзерата и научений жрецов, пала перед всеобъемлющим чувством тепла и любви. Может, это другой Бог? Может, есть другие Боги, всегда отвечающие и любящие?

– Наконец ты сделал шаг в сторону Пути. Это прекрасно! – яблоко радостно сделало несколько вращений вокруг своей оси, будто подпрыгнув и приземлившись на месте. – Если бы ты и раньше шел, доверяя чувствам, ты бы не сомневался, что Я отвечаю тебе!

– Ты Бог? – с удивлением в глазах осведомился Дуччо.

– Я Есмь! Самый, что ни на есть, Бог. Что тебя смутило?

– Ты яблоко?

– Я все и Я ничто, Я Бета и Дельта, помнишь? Я форма всего, что Я создал, и все, что Я создал, – моя форма. Знаю, у тебя на языке вертится вопрос, да не один, так что задавай.

– Где мы?

– Это абсолютный мир, где пребываю Я.

– Абсолютный?

– Абсолютно абсолютный. Ты, наверное, уже заметил, что не можешь определить, где верх и низ, жарко тебе или холодно, чувствуешь ты злость на короля Иоанна или же благоговеешь пред ним? Абсолют не делится на полярности, ибо это не надо абсолюту, но подробностей ты не поймешь, пока не поймешь, – с некой доброй улыбкой в голосе сказала яблоко.

– То есть, это твой дом, – заключил Дуччо.

– В определенном смысле да.

– В каком же мире живу я и другие люди?

– В относительном мире или мире относительного.

Дуччо вопросительно повел бровью, заранее, впрочем, зная, что Бого-яблоко проведет небольшую лекцию по его вопросу.

– В мире относительного все делится на две полярности. Холодное и горячее, право и лево, честь и бесчестье, храбрость и трусость. Так устроил Я, но тебе рано знать, зачем.

– Но почему?!

– Потому что это не пойдет тебе на пользу и не позволит сохранить твою жизнь, но создаст еще больше вопросов, от ответов на которые ты можешь потерять рассудок. Перейдем к делу, к твоему сну, что, по сути, есть Мой сон, посланный тебе как ответ на молитвы. Как ты считаешь, горячее лучше, чем холодное? Иными словами, что из горячего и холодного хорошо и плохо?

– Думаю, горячее, это плохо, а холодное, это хорошо, – опуская взгляд куда-то в область, где должен быть пол, и пожимая плечами, проговорил Дуччо.

– Ты так думаешь, ибо не раз бывал под градом горящих стрел в душном доспехе, а холодная вода утоляла твою жажду на Востоке и успокаивала ожоги. Иными словами, ты вынес суждение о явлениях горячего и холодного на основе своего жизненного опыта. Познав горячее, ты смог оценить холодное. Отношение к благородству и чести, как его видят ваши дворяне и король, это тоже суждение на основе своего опыта? Или же, подобно жрецам Анзерата, учителя и высокопоставленные господа твердили тебе свои суждения, которые ты принял на веру?

И действительно, Дуччо не задумывался о возможности иных трактовок понятий благородства и чести. Слова его наставников и учителей за много лет обучения врезались так глубоко в ум и так пустили корни в душе, что чужие мысли стали будто его собственными.

– Пожалуй, все чему я следую, я узнал извне, – ответил

Дуччо.

– И-мен-но! – отрывисто, подобно учителю, успешно донесшему до учеников важную мысль, воскликнул Бог. – Однако у тебя достаточно опыта теперь, чтобы самому судить о чести, благородстве, войнах, Священных войнах, даже обо Мне.

– О тебе?! Как же это можно...

– Можно и нужно. Просто поверь на слово, а потом, может, поймешь. Или же твои предки поймут. В твоей жизненной копилке очень много опыта, на основе которого можно сделать выводы о том, кем ты являешься на самом деле. Но перейдем к Моему посланию, успешно тобою проигнорированному. То, что было во сне, это твое ближайшее будущее, которое еще можно изменить. Если же нет, ты погибнешь.

– Как? Боже, как не испить мне чашу сию?

– Не строй из себя Анзерата, он так не говорил.

– ...

– Человек, которого твой народ назвал Божьим сыном, был таким же человеком, как и все, и таким же ребенком Бога, как все, просто он не верил, творя свои чудеса, что у него может не получиться. Вернемся к твоей судьбе. Ты будешь подло отравлен, вся семья твоя будет отравлена на празднике в твою честь и в честь твоих братьев. Тебе не просто так станет плохо, твой организм будет отравлен с первым глотком из кубка, но яд, растворяемый обыкновенно в воде, при смешении с вином дольше остается незаметным для тела.

Дуччо хотел бы не верить своим ушам, да как не верить самому Богу. Марацци и Арто, конечно, не были близки, но и в открытых конфликтах никогда не находились. Зачем Августу травить весь род Марацци?

– Но ты действительно можешь изменить свое будущее, – уверило после недолгой паузы яблоко. – Тебе нужно сделать теперь всего три шага, чтобы ступить на путь. Ты хочешь знать их?

Дуччо молча кивнул, внимательно вслушиваясь в каждый звук.

– Для начала, перестань слишком много на себя брать. Из-за этого ты живешь чужую жизнь, из-за этого чужой смертью и умрешь. Дела семьи, это дела семьи, у которой есть глава, занимающийся этими самыми делами, а тебе-то всего двадцать лет, раньше тридцати отец тебя управлять семьей не допустит, ты сам знаешь. Так живи для себя, заботься о себе, не черствея при этом сердцем и не забывая о благодетели.

– Хорошо! – выкрикнул Дуччо, абсолютно уверенный, что у него получится, и абсолютно не понимающий, как ему начать жить по-новому.

– Потом пойми, что никакого отношения трактование вашими жрецами писания Анзерата не имеет ко Мне и к тому, какой Я. Я никогда не требовал от людей страдать или бояться Меня, никогда не брал от вас жертв. Вспомни, разве сам Анзерат по писанию хоть единожды был печален или говорил, что страдает?

Покопавшись в памяти, быстро пролистав текст, заученный почти наизусть, Дуччо отрицательно покачал головой.

– Он был счастлив каждый момент своей жизни, даже будучи в шаге от смерти. Самое смешное, Дуччо, что Анзерат сам выбирал, как относиться к событиям и как реагировать на них. Он осознанно делал себя счастливым! А еще смешнее то, что так может каждый человек, но почти все предпочитают быть заложниками иллюзорной печали в мире иллюзорных страданий. Но они просто никогда не чувствовали по-настоящему, а шли за готовыми решениями, очень удобными, но противными Моей сути.

– А что есть Твоя суть?

– Суть Моя есть любовь, в противовес которой я создал страх. Но и на этом мы подробно не остановимся. Перестань считать себя плохим, как того требуют жрецы, перестань умалять себя в Моих и своих глазах. Это второй шаг.

– А третий?

– А третий самый простой. Все необходимое для него у тебя есть. Третий шаг: вспомни, кто ты есть на самом деле, перестав быть тем, чем ты не являешься. Пройдя три первых шага, ты изменишь свою судьбу и сохранишь род Марацци. Кстати, очень скоро отец научит тебя одной мудрости, и брат твой спросит: “Какой?” Отец не ответит, но Я отвечу прямо сейчас. Ответ будет: “Твой.”

Яблоко резко расширилось, увеличилось в размерах и лопнуло, оставив после себя витающие золотые песчинки, а

Дуччо почувствовал, как стал падать, определив наконец, где низ у этого пространства.

Очнувшись, юный Марацци обнаружил себя лежащим на небольшой полянке. Судя по окружению, здесь должна находиться землянка, но ни ее, ни странного огорода, ни паствующих коз уже не было. Даже тропинки, по которой Дуччо пробирался к жилищу Пряхи, не оказалось на месте. В руках он сжимал не ларец, как думал, а сверток, в котором, впрочем, оказалась хорошей работы новая белоснежная палатка, а солнце на небе не отклонилось ни на градус, будто весь разговор с Богом занял не многие часы, как казалось, а пару секунд. Поднявшись, Дуччо к счастью обнаружил, что бесконечно ноющая нога наконец зажила, и бодрой походкой отправился на север к лагерю короля.

Там его уже ждали братья и другие соседи по палатке. Вьери хвастливо потрясал связкой оципанных куропаток и улыбался, глядя на Дуччо. Алезандер же заканчивал приготовления костра.

– Ну как? Не обманул охотник оборванец? – не отвлекаясь от процесса спросил Алезандер.

Дуччо молча протянул сверток прочим рыцарям, жившим с ним, и те незамедлительно возвели новое жилище на месте старого. Проходящий мимо командующий одобрительно кивнул Дуччо, увидав новую палатку, и, довольный послушанием своего солдата, направился вглубь лагеря. Совсем

скоро куропатки шипели на вертеле, а рыцари травили байки вокруг костра. Подстреленной Вьери и Алезандером дичи оказалось так много, что часть ее пришлось раздать прочим воинам.

По-настоящему королевский ужин накликнул сон, предательски уводящий Дуччо от осмысления сегодняшнего диалога. В сущности, ему был не ясен лишь третий шаг: кто на самом деле Дуччо? Дуччо есть Дуччо, сын Никколо Марацци, наследный дворянин и рыцарь Крестного Королевства. Кем же ему еще быть? Но сон все же взял свое.

Тот, кем он не является

Рано утром весь лагерь поднялся по зову королевского горна: Иоанн будет говорить. Говорить то, что любой король говорит солдатам перед битвой, поднимая боевой дух, цитировать слова писания, поддразнивать, но все это Дуччо слышал не в первый раз и все больше убеждался в бессмысленности действия. Красивые складные речи на него не действовали, ибо проснулся он совершенно другим человеком, не желающим убивать за короля и даже во имя Божие. Однако от сегодняшнего наступления могла зависеть честь всей семьи Марацци, а потому, кое-как подбодрив себя, он стал снаряжаться к долгому дню.

Король Иоанн, после провальной осады сердца Мирской Империи, смирил свою гордость и все же обратился к восточным инженерам за помощью. Лучшие оружейники примчались на королевскую стоянку и круглые сутки сооружали осадные орудия, от баллист до катапульт. Правда, использовались они в итоге не по прямому назначению, но полезны оказались. Император Галлий решил проигрывать на своих условиях, а потому отправил все силы на оборону подходов к городу, желая избежать жертв среди мирных жителей и ввести в ступор командование Крестного Королевства.

Начало решающей, как надеялись и уставшие рыцари, и

измученные легионеры, битвы затянулось от раннего утра до раннего вечера. Расположившись в узком проходе, как в свое время делали древние Эндлинги, легионеры могли долго держать оборону. Прилетающие в их ряды снаряды баллист и требушетов заставляли солдат императора убирать щиты и перегруппировываться, что создавало брешь в обороне и возможность завязать ближний бой, которой никак не удавалось воспользоваться шествующим в первых рядах копейщикам. Наконец Иоанн пошел на рискованную хитрость, выпустив залпом несколько снарядов по врагу и пустив сквозь ряды копейщиков тяжелую кавалерию, фактически выписывая всей находящейся впереди пехоте смертный приговор. Но риск оправдался, конница ворвалась в стан врага, завязался ближний бой.

Первые пятнадцать минут сражения Дуччо упорно продвигался вглубь, надеясь первым настичь командование легиона, обмениваясь ударами с каждым встречным, но не стараясь убить или хотя бы ранить. Глаза заливал пот, жаркое вечернее солнце нагревало латы, с каждым шагом все больше притягивающие Дуччо к земле. В путешествии сквозь легионеров он успел потерять наплечник из-за арбалетного выстрела, снять и выкинуть шлем, отстегнуть сабоны, но кольчуга все еще будто становилась тяжелее и тяжелее. С грустью взглянув на алебарду, он воткнул ее в землю, вооружившись висевшим на спине гербовым щитом и мечом.

Вдруг со спины раздался дикий приближающийся крик.

Дуччо сделал шаг в сторону, обернувшись вокруг себя, и выставил щит, встав в оборонительную стойку. Легионер, несшийся на него с одним мечом, пролетел мимо и чуть было не снес своих товарищей, но быстро сориентировался, приготовившись, судя по всему, наносить быстрые колющие удары. Что-то в этом противнике смущало Дуччо.

В отличие от других легионеров, этот был подозрительно мал в плечах, росту был невысокого, а шлем болтался на голове так, что в любую минуту мог соскочить от дуновения ветра. И щита у него тоже не было.

Решив сражаться на равных, Дуччо добровольно сбросил на землю щит, выставив правую ногу и руку вперед, предупреждая, что собирается атаковать. Град рубящих ударов обрушился на солдата императора, которые тот едва ли мог сдержать, а потому предпочел блокам увороты, очевидно являющиеся его сильной стороной. Улучив момент, легионер все же произвел несколько выпадов, достаточно простых для такого воина, как Дуччо, последний из которых был хитрым способом парирован. Наконец, решающие секунды: легионерский меч в правой руке занесен для рубящего диагонального удара сверху вниз, Дуччо же убрал свой меч под левую руку, выставленную как раз по траектории удара легионера. От удара о стальной наруч, гладиус разлетелся вдребезги, а каролинг четким и быстрым движением правой руки был отправлен в ногу противника и настиг цель. Приложи Дуччо чуть больше силы, легионер потерял бы всякую надежду на

спасение, ведь с прорезанными сухожилиями ему осталось бы прыгать на одной ноге подальше от поля боя.

Воин императора пал наземь, сразу потеряв кое-как сидевший на нем шлем, и попытался отползти к прочим легионерам, когда пятка Дуччо уперлась поверженному врагу прямо в грудь. Под весом Марацци и остатков его доспеха ребра легионера затрещали, тот попытался вскрикнуть от боли, но не смог выдать ни звука. Взглянув на небо, Дуччо приставил острие меча к глотке без пяти минут покойника и опустил взгляд вниз, потому как дворяне убивают лишь глядя в глаза. Вот и теперь он глядел в глаза грязного язычника, бесчувственные глаза настоящего мерзавца, глаза... ребенка?

Бравому воителю империи на вид было пятнадцать или шестнадцать лет, возраст Вьери, однако Вьери был гораздо крепче и больше. В голубых глазах, отражающих закатное небо, блестели слезы вперемешку с потом, а сами глаза выражали отчаяние, полное отсутствие надежды на милосердие. Характерно светлые для имперских людей коротко стриженные волосы почернели от грязи, из левой тонкой икры струилась кровь, а маленькие худые плечи старались спрятать в себя голову, не могущие, однако, сделать этого. Легкое кожаное обмундирование явно было на пару размеров больше, отчего сам мальчик казался еще меньше, чем есть на самом деле.

Дуччо несколько минут, показавшихся легионеру вечностью, стоял, застыв в одной позе и сверля напряженным

взглядом наполняющиеся отчаянием глаза того, кто явно не заслуживает смерти. Но сегодня король не берет пленных, никого не щадит и ждет полного повиновения! Дуччо поднял меч чуть выше и зажмурил один глаз, но вновь застыл. В глазах мальчика стали читаться покорность и смирение. С диким криком юный Марацци швырнул меч на землю рядом с собой и убрал ногу с врага. Имперский воин подпрыгнул и, сильно хромя, побрел к ждавшим его товарищам. Дуччо же продолжал кричать, и сам ветер разносил его голос над битвой, ударяя о железные доспехи, о падающие снаряды и усиливая его, отчего крик тот казался рычанием. Имперцы, видящие впавшего в звериную ярость воина и убегающего от него легионера, стали отступать. Где отступил один, там и десяток, где десяток, там и сотня, и тысяча, и десять тысяч. Солдаты короля почти беспрепятственно стали продвигаться к столице Мирской Империи, ударяя в спины убегающих легионеров. Дуччо же все кричал, не видя отступающий легион, и, наконец обессилев, рухнул, погрузившись в неясные сновидения.

Проснулся юный воин спустя ночь после боевых действий. Вновь открылась его взору картина, которую тот наблюдал, идя к Пряхе: трупы, воронье, кострища, остовы осадных орудий, стрелы, воткнутые в землю, отработавшие свое снаряды, и только телега с телами убитых разнообразивала пейзаж.

Дуччо не чувствовал себя плохо или хорошо, но чувствовал, что поступил, как на самом деле чувствовал, а потому спокойствие, наполнившее его душу, смягчало картину вокруг. Перевернувшись на живот и встав на четвереньки, юный Марацци отыскивал глазами свой меч и, опираясь на него, поднялся. Каково было удивление отряда, отправленного собирать погибших, когда посреди горы мертвецов гордо встал королевский рыцарь.

Дорогу до лагеря Дуччо провел, сидя на краю тележки с трупами, что никак его не смущало. Само отношение к смерти изменилось в нем после последней битвы. Где-то по краям бывшего сражения орудовали мародеры, но разгонять их не входило в обязанности Дуччо, так что он просто помахал им рукой, на что мародеры, пожав плечами, ответили странному рыцарю тем же.

В лагере Алезандер и Вьери, уже почти похоронившие Дуччо, наплевав на дворянские порядки со слезами на глазах бросились обнимать брата. Отец же, Никколо, был более сдержан, однако скупую слезу пустил, увидев сына живым.

– Ты как выжил-то? Мы с Алезандером, кажется, все поле обошли, каждого мертвеца перевернули, а тебя не было.

– Просто вы искали мертвеца. А я был жив, – добродушно ответил Дуччо.

– Ты хоть помнишь, что произошло? – осведомился Алезандер.

Но Дуччо помнил лишь о своем позоре, о позоре, который

он навлек на семью. Не убить врага королевства значило то же, дать ему вновь убивать людей короля. Дуччо может держать это в тайне достаточно долго, но знает наверняка, что долго не будет длиться бесконечно.

– Не совсем. Что-то тяжелое прилетело мне в затылок, и я не смог устоять, – несколько покосив глаза в сторону соврал средний брат.

– Все шло очень плохо. Кавалерия, пущенная сквозь ряды пехоты, побила много наших, легионеры превосходили нас и числом, и стратегической позицией, как вдруг над всеми нами раздался словно львиный рык. Позже нам с Вьери сообщили, что рычал наш брат, оставшийся без оружия, а от него улепетывал весь окровавленный и хромой легионер! Естественно, такой звук не могли не заметить и легионеры, находящиеся поблизости! Как им открылась вся эта картина, так они тебя демоном назвали побежали обратно к императору, жаловаться, видимо! – рассмеялся Алезандер. – Король тебя будет ждать на аудиенцию, как поход закончится, а пока Иоанн обговаривает условия капитуляции Галлия.

– Галлий сдался?

– Почти, – вмешался Вьери, – это лишь вопрос времени. Приближенные Иоанна, участвующие в переговорах, уверили всех, что домой мы отправимся в ближайшие пару недель. Положение у императора, скажу я тебе, не завидное. Если захочет сохранить жизнь, – а он захочет, – ему придется предать то, за что в боях умирали дети его подданных. Я думаю,

очень скоро его прикончат свои же придворные, а править землями бывшей империи станет какой-нибудь наместник.

Дуччо, переживший, как он сам считал, маленькую смерть, теперь и вовсе перестал видеть смысл даже в переговорах. Оставили бы имперцев с миром, никогда они к королевству претензий не имели.

– К слову, – вмешался Алезандер, – сначала солдатня, а потом сам Иоанн присудил тебе прозвище Лев за доблесть, отвагу и, конечно, за нечеловеческий рев. Немало чести ты сделал семье, Дуччо Лев Марацци! Предлагаю выпить за это!

Прошло чуть больше полумесяца и королевская армия получила приказ собираться и настраиваться на долгий путь домой. Весть о победе Крестного Королевства и захвате им имперских земель быстро разошлась по свету. Так же почти в каждом городе судачили о юном рыцаре, господине Дуччо Льве Марацци. История, разумеется, успела обрасти удивительными подробностями. Дошло до того, что множество людей всех сословий стали считать, будто Дуччо своим криком убил половину армии императора.

Как всегда во всем образцовые братья Марацци собрали скромные военные пожитки в числе первых и, валяясь на нетронутой каким-то чудом поляне, улыбались солнцу, наконец в меру теплому. Идиллию нарушил один из дядьев, пригласивший всех троих к отцу и остальным членам семьи.

– Мы получили приглашение от distinguished Авгу-

ста Арто, – объявил Никколо, обведя взглядом присутствующих. – Вот, что пишет старик:

“Господа Марацци!

Я, как и прочие, осведомлен о ваших подвигах и успехах. В особенности радуюсь я теперь за юного Дуччо, получившего прозвище Лев, вместе с моими родными. Королю Иоанну и всему Крестному Королевству повезло иметь в числе своих подданных достойнейших из людей, доблестью и мужеством отстоявших веру Анзерата пред лицом богомерзких имперских язычников и их предводителя Галлия!

Мой старший и единственный сын Лорре предположил, что и юным, и взрослым господам Марацци было бы в радость сделать небольшую остановку по пути домой и отдохнуть, а также отметить военные подвиги Дуччо Льва, с чем я не мог не согласиться, ибо помню еще, хоть и стар стал, свои военные походы.

Для меня и всей семьи Арто было бы честью увидеть всех вас за своим столом и поднять тост за вашу семью, посему, если вы согласны, отправьте ко мне посыльного, как окажетесь в неделе пути от владений Арто, а отказа я не приму!

Также свои поздравления передают Лорре, Кринетт и Мирелла.

Пускай Бог и дальше освещает путь Марацци!”

– Довольно странно получить такое письмо от слывущего на все королевство скрягой и злодеем Августа. Но идея и

правда неплоха. – заключил Никколо. – Я спросил мнения у своих братьев и отца, теперь спрашиваю его у вас как у будущих глав нашего рода.

– Я бы не отказался от нормальной постели, еды и хорошей баньки! – почти без раздумий заявил Вьери.

– Алезнадер?

– Думаю, можно заехать, все равно по пути. А пообвыкнуться с мирной жизнью до приезда домой было бы замечательно, – спокойно и рассудительно ответил Алезандер.

– Дуччо?

Но Дуччо не знал, что сказать. Он не знал, изменилась ли его судьба, если его, как и во сне, зовут Львом. Отказываться же было бессмысленно, ибо очевидно, что его позиция окажется в меньшинстве.

– Да, отец, согласен. Но хорошо было бы не задерживаться там, дабы не сердить скупого Августа. Не всегда он в хорошем расположении духа.

– Это точно! – почти в один голос подтвердили собравшиеся.

– Значит, единогласно, – подвел черту Никколо. – Заезжаем к Арто, заодно и путь срежем через их земли, выйдет на пару дней меньше. Мелочь, но приятно! – расплылся в широкой улыбке глава семейства.

Находясь в неделе пути от замка Арто, Марацци, как было уговорено, послали гонца, дабы предупредить хозяев о ско-

ром приезде гостей. Сами силы природы на всем пути воинов благоприятствовали им, то давая укрытие от дождей, то находя тепло для озябших путников.

Дуччо же сильно переменялся, даже несколько осунулся. Явно он не был тем, кем видел себя во сне. Волосы, такие же длинные, окрасились седыми прядями, морщинки в уголках рта появились в больших количествах, глаза будто впали в череп. Но он чувствовал, что этот Дуччо – настоящий.

Победитель, как он есть

Их встречали со всеми возможными почестями: ковровые дорожки, только что прибывшие из далеких земель Востока, казалось, сотканы для божественных посланников, а прибывшие со всех уголков Крестного Королевства миннезингеры, на каждой пяди внутреннего двора распеваящие оды и декламирующие поэмы, славят теперь юных воинов семьи Марацци и в особенности доблесть молодого Дуччо по прозвищу Лев, принесшего Королю Иоанну победу над богомерзкой Мирской Империей. Фрейлины госпожи Арто не скупятся вниманием для юношей, расспрашивая их о военных подвигах и прозрачно намекая на готовность выйти замуж; повара готовят гораздо быстрее и вкуснее, чем обычно, самые изысканные блюда, какие могут быть в Крестном Королевстве и подвластных ему владениях, а на стенах замка, лениво покачиваясь, смотрят на собравшихся гербы семьи Марацци рядом с гербами хозяев – Арто. Пятеро старших сынов рода Марацци, четверо братьев и их отец, восседающие на мерно шествующих жеребцах, гордо и не без хвастовства переводят взгляд со своих отпрысков на обитателей замка и обратно, пробираясь к воротам замка сквозь облепившую их процессию со всех сторон ликующую толпу.

Так встречали укротителей язычества, победителей императора Галлия, завоевателей земель Мирской Империи, так

встретили Дуччо Льва Марацци!

Все происходило в точности, как во сне. Бани, покои, неуклюжее окно, однако мысли Дуччо были другими. Совершенно другими. Он отбросил обдумывание реформ и даже мечты о свадьбе, а размышлял над тем, кем он является на самом деле, покручивая в руках перстень, изредка читая слова девиза: “Честь и благородство превыше всего”.

Это бездействие сердило юного Марацци! До праздника ждать еще долго, а мысли о том, что все повторится, преследовали его с момента прочтения письма Августа.

– Нет, надо действовать.

Дуччо позвал находившуюся поблизости служку и наказал собрать всех господ Марацци на семейный совет, что та, слегка испуганно взглянув на почти безумное выражение лица гостя, поспешила исполнить.

Лишь последний Марацци зашел в комнату, Дуччо поспешил запереть дверь и обратился к родным:

– Отец, дедушка, мои братья, мои дядья! Все вы, я знаю, гордитесь мною за честь, что принес нам, за отвагу и доблесть. Но вы не знаете, что произошло по-настоящему в тот день, что мой рык был криком бессилия перед своими чувствами...

Долго и величественно юный Марацци рассказывал подробности той битвы, рассказывал о мальчишке, о своем решении, о том, как позорно выбросил меч. Никколо внимательно слушал, прикрыв рот рукой и иногда посматривая ку-

да-то вдаль, пока его сын наконец не закончил монолог.

– Дуччо, – начал было отец гневно, – ты знаешь наш девиз. Господа, каков наш девиз?

– Честь и благородство превыше всего! – ответили Вьери и Алезандер, а вот старшие Марацци лишь слегка улыбнулись.

– Вторую часть девиза, – начал брат Никколо, – глава семьи обыкновенно открывает, когда его детям исполняется по тридцать лет, аккуратно перед сложением полномочий как главы. Но времена изменились, и мы, как наши предки, тоже имеем право слегка поменять правила. Вы все повзрослели слишком рано, вам в пору уже сейчас вести семейные дела! Кроме Вьери: шестнадцатилетний парень во главе рода будет вызывать насмешки.

– Почти верно, – согласился Никколо с братом и вновь посмотрел на дуччо, – но чтобы открыть вам вторую часть девиза, вы должны узнать об одном нашем предке, память о котором хранится исключительно в умах и душах Марацци, и ни в какой библиотеке мира вы не прочтете о нем. Спустя пятьдесят зим после чудесного спасения Анзерата, на свет появился Ердикл, наш давний предок. О юности его не сохранилось воспоминаний совсем, кроме того, что на обучение к Анзератовым жрецам он попал совсем мальчишкой. Его проповеди пользовались большой популярностью, сам тогдашний правитель слушал их с замиранием сердца и благоволил Ердиклу. Ердикл стал первым дворянином в нашей

семье: дворянство ему в числе первых пожертвовал Аснопс, хозяин внушительных владений, где и проповедовал Ердикл. Лишь получив статус, он заказал первый такой перстень – отец постучал пальцем по своему кольцу, – с девизом, что уже почти тысячу лет остается неизменным. И именно Ердикл сделал традицией вручать такие перстни каждому мужчине в роду. Позже, конечно, правила немного изменились, и теперь перстни выдаются после первого настоящего сражения. Став дворянином, Ердикл не забросил проповедовать, однако проповеди его были порой странными, а порой опасными для верования в Анзерата. О его проступках перед Богом, как тогда говорили, узнали лишь после смерти самого Ердикла, но дворянство у семьи отбирать не стали: пришедший на смену Аснопсу его сын не был особо верующим и не считал деяния старого дворянина ужасными.

Никколо достал из мошны маленький ювелирный микроскоп и стал подзывать сыновей по очереди, а те смотрели в него и отходили совершенно озадаченными. Очередь Дуччо.

– Ну, Дуччо Лев Марацци, прочти же вслух!

На грани опоясывающей палец снизу части кольца была еще одна гравировка! Дуччо обыкновенно принимал ее за царапины, но это своего рода произведение искусства.

– "Но", – начал Дуччо, – "Путь превыше чести и благородства."

– Это вторая часть девиза. Хотите что-нибудь спросить? – манящим голосом спросил Никколо.

– Какой путь-то? – нарушил неловкую тишину Вьери.

Старшие Марацци переглянулись и с грустными улыбками собрались было оставить молодых обдумывать увиденное и услышанное, как вдруг Дуччо, вспомнив свой разговор с яблоком до мельчайших подробностей, смог дать ответ сразу.

– Твой! – крикнул он Вьери, сразу же переведя взгляд на спину открывающего дверь отца.

– Верно! – радостно воскликнул Никколо, а вслед за ним радостными возгласами в комнату вернулись и прочие. – Твой Путь, Вьери, превыше чести и благородства, твой Путь, Алезандер, превыше чести и благородства, и твой Путь, Дуччо, тоже превыше чести и благородства! Ты, Дуччо, поступил так, потому что не мог поступить иначе, и это твой Путь. Ты все еще воин, точнее, именно теперь ты стал воином! Ведь воин никогда не убивает без эмоций и просто так, но воин, умеющий убивать лучше прочих, имеет силу не делать этого. Запомни, Дуччо, и вы тоже: – он указал на Вьери и Алезандера, – задаром не нужна семья, сковывающая вашу суть, как не нужен и такой Бог. Но между нами: не верю я, что Он жестокий и хочет людских страданий, ох, не верю!

Наконец семья Марацци обрела понимание. Такая сцена происходит каждое новое поколение, и разговор главы семейства с молодыми воинами всегда примерно один и тот же и всегда кончается одинаково.

– Друзья! – вскрикнул Дуччо, – Как доверился я сам себе и

оставил того мальчишку живым, так и вы, прошу, доверьтесь мне! Не пейте вина сегодня и не прикасайтесь к кубкам, ибо предчувствие у меня не хорошее.

– Как минимум, – сказал Алезандер, – ты Дуччо Лев Марацци, и именно твое решение принесло нам победу и прославило доброе имя. Я пойду за тобой и присоединюсь к твоему решению.

Вслед за старшим братом, остальные также пообещали, что не дотронутся сегодня до вина, предложенного Арто.

Комната, точь-в-точь как во сне, тесная, с несколькими бойницами и длинным столом. Улыбающаяся чета Арто, обменивающиеся любезностями Никколо и Август, начало праздника.

Однако в этот раз ни один Марацци не пил вина, никому не стало дурно, а веселье набирало обороты. Лишь старый Август, видя, как поднесенные гостями кубки тут же летят в стену, не выдержал наконец:

– Ах вы, недостойный род Марацци! Явились ко мне, как оборванцы, заняли лучшие покои, вином моим брезгуете да поливаете им дорогие ковры! Это оскорбление чести Арто, господи, и вам это так не сойдет с рук!

Продолжая сыпать угрозами и проклятиями, Август потянулся к рапире, но вдруг застыл, будто камень. Лицо его скрутила невероятная гримаса, полная ядовитой злости и зависти. Простояв так несколько секунд, старик обмяк и пова-

лился на пол. Ядовитое сердце наконец отравило себя.

После

После трагической кончины главы семьи Арто, Марацци двинулись на родные земли, где Никколо с помощью Дуччо и его братьев стал менять законы и понятия чести.

Дуччо отчасти понял, кем он является в действительности, и стал с благодарностью принимать любой опыт, приходящий к нему.

Замок Арто, столь прекрасный снаружи и разрушавшийся внутри, наконец рухнул, простояв до того не одно столетие. Кто-то говорит, что Август помогал императору Галлию в войне против короля Иоанна, потому Бог забрал нечестивца, а потом уничтожил все упоминания о нём, но Дуччо и Бог знали: дело совсем не в короле и не в гневе Бога, ибо тот не может гневаться. Иные считают, что сам замок был отражением благородства Арто: поначалу им восхищаешься, но зайдя внутрь не можешь понять, где ты, и без змеиной натуры старого Августа он просто не устоял. Бывшие в замке служки, – выжившие, к слову, все, – заявляли о банальной зависти Августа, ведь не его дети, но Марацци принесли королю победу, отчего старое сердце не выдержало.

Юный легионер повзрослел и направился на поиски некоего Дуччо Льва Марацци, который, как говорят, сохранил ему жизнь. Несколько лет провёл он в странствиях и, встретив Дуччо, со слезами бросился к нему. После капитуляции

Галлия легион распустили, а самого парнишку отправили домой из-за ранения, и тот нуждался в наставнике. Дуччо с радостью принял его как ученика и как друга.

Король Иоанн, прикрывавший свои злодеяния именем Бога, правил очень долго и приумножил богатства и победы, покуда не был предан своим же народом, озлобившимся на короля за огромные налоги и одушевлённым новыми законами Марацци, действующими в пределах владения семьи.